

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Переписка с родственниками

«Дорогая моя Мама!»	6
«Дорогая моя Наденька»	98
«Дорогой Крысенок»	106

Часть вторая. Письма руководителям СССР

«Товарищ Сталин»	126
«Глубокоуважаемый Никита Сергеевич»	193
«Глубокоуважаемый Леонид Ильич»	217

Часть третья. Письма ученым

«Мой дорогой профессор Резерфорд»	220
«Дорогой Бор»	247
«Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович»	259
«Глубокоуважаемый Сергей Иванович»	263

Часть четвертая. Письма советским государственным и партийным руководителям

«Товарищ Молотов»	270
«Товарищ Берия»	307
«Товарищ Каганович»	310
«Многоуважаемый товарищ Маленков»	312
«Товарищу Ж.»	328
«Глубокоуважаемый Николай Александрович»	333
«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич»	336
«Глубокоуважаемый Юрий Владимирович»	337
Примечания	349

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРЕПИСКА С РОДСТВЕННИКАМИ

«ДОРОГАЯ МОЯ МАМА!»

...Весной 1921 года группа советских ученых — академики А. Ф. Иоффе и А. Н. Крылов и профессор Д. С. Рождественский — выехала за границу. Наиболее важной задачей поездки было размещение заказов на оборудование для организуемых в Петрограде институтов. Стояли также задачи восстановления научных связей с западноевропейскими учеными, пополнения фонда научной литературы и обеспечения дальнейшей подписки на физико-математическую литературу. За время первой мировой и гражданской войн поступления иностранной научной литературы в нашу страну практически прекратились.

Вместе с А. Ф. Иоффе выехал и его молодой сотрудник П. А. Капица.

Иоффе выехал сначала в Германию, куда вслед за ним должен был приехать Капица. Однако германскую визу Капице получить не удалось, и после полуторамесячного ожидания в Ревеле (ныне Таллин) он выехал в Англию.

Из Ревеля в начале апреля 1921 года уходит в Петроград первое письмо Капицы к матери Ольге Иеронимовне. Она была не только любимой матерью, но и очень интересным человеком. Окончила словесное отделение Бестужевских курсов (одного из первых высших учебных заведений для женщин в России). Интенсивно занималась педагогической деятельностью в созданном после Октябрьской революции Педагогическом институте дошкольного образования и в других вузах. Основала в своем институте показательную библиотеку детской литературы, организовала студию детских писателей...

Вскоре после Капицы в Лондон приехал Иоффе.

12 июля Иоффе и Капица были у Резерфорда в Кембридже. Договорились о том, что Капица проведет год в Кавендишской лаборатории. По этому поводу в Англии и у нас ходит такая легенда. Сначала Резерфорд якобы отказал в приеме Капице, со-

славшись на то, что все 30 мест заняты. Тогда Капица неожиданно спросил, с какой примерно точностью ведутся работы в лаборатории. Удивленный Резерфорд ответил; что примерно три процента. «Но ведь один человек от тридцати составляет всего три процента, так что вы просто не заметите моего присутствия», — сказал Капица. Согласно легенде, Резерфорд, очень ценивший юмор и быстроту реакции, был сражен такой аргументацией и дал согласие.

Как все начинающие, Капица должен был начать работу на garret — чердачном, но вполне приличном помещении. Здесь каждый претендующий на работу в лаборатории должен был под наблюдением Чедвика, молодого, но уже известного ученого, главного помощника Резерфорда по Кавендишской лаборатории, показать, что он собственноручно может изготовить простейшие приборы и провести заданные измерения. Для многих это испытание длилось несколько месяцев.

Капице было достаточно месяца, чтобы продемонстрировать, что он является зрелым экспериментатором. Ему предоставили место в основном помещении лаборатории. Стиль его работы произвел на Резерфорда сильное впечатление.

Резерфорд предложил Капице продолжить работу по измерению потери энергии альфа-частицами при прохождении через газ, которой он и его ученик Гейгер занимались десять лет назад. Пронзительный ум Резерфорда, которым так восхищается Капица в своих письмах, позволил ему увидеть в этом молодом русском ученом того человека, который может побить рекорды чувствительности соответствующей аппаратуры, поставленные в свое время им самим и Гейгером. И действительно, Капица, проявив большую изобретательность и тонкий анализ, сумел сделать прибор в 50 раз более чувствительный, чем применявшийся его достойными предшественниками. В результате он смог проследить за потерей энергии альфа-частицами, пока у них оставались лишь десятые доли процента от начальной энергии, в то время как именитые предшественники не могли спуститься ниже 16 процентов.

Когда вышла из печати статья Капицы по измерению потерь энергии альфа-частицами, он позволил себе маленькую месть-шутку. (Он рассказал об этом в 1966 году в своем докладе о Резерфорде в лондонском королевском обществе¹) Дело в том, что

в первый день его работы в Кавендишской лаборатории Резерфорд неожиданно заявил ему, что он ни в коем случае не потерпит в лаборатории коммунистической пропаганды. Это удивило и расстроило Капицу. В дальнейшем он понял, что на Резерфорда повлияла политическая обстановка в Англии и на континенте. Напомним, что в то время Советская Россия не имела дипломатических отношений ни с одной из западных стран. Получив оттиски статьи, Капица преподнес ее Резерфорду с надписью: эта статья свидетельствует о занятиях наукой, а не коммунистической пропагандой. Резерфорд страшно рассердился и вернул оттиск Капице, который немедленно преподнес Резерфорду второй оттиск с подобающей дарственной надписью. Резерфорда сразу успокоился. Капица отметил, что он был очень вспыльчив, но столь же быстро остывал.

Лондон, 26 мая 1921 г.

Дорогая Мама!

Вот я сижу в салоне отеля, смотрю в окно и вижу Темзу. Она действительно покрыта туманом и довольно сильно пахнет, хотя мы и в центре города. Ездил уже и по подземным и по наземным железным дорогам, на автомобиле и пр.

Жизнь кипит тут, движения на улицах больше, чем в Питере в мирное время. Ты можешь себе представить, я был ошеломлен, прямо с непривычки голова пошла кругом. Поезд, который почти не останавливается на станции. Омнибусы, которые ездят почти по всем направлениям, и пр., и пр. Я купил план Лондона и вчера его начал штудировать. Кажется, не безрезультатно, так как предпринял самостоятельно несколько поездок и все сходило благополучно.

Но, удивительное дело, все окружающее, все блага, которыми я располагаю, совершенно не радуют меня. Не хочется даже идти смотреть музеи, хотя сейчас [есть] время, так как позже я буду занят служебными обязанностями и тогда уже трудно будет что-либо посмотреть. Не хочется покупать себе одежды. Я с таким трудом расстался со своей кепкой, а костюм — все же он петроградский — и мне с ним тоже не хотелось бы расставаться. Я, пожалуй, повременю заказывать себе.

Все же я тут один, и это, пожалуй, самое плохое. Я, конечно, не теряю ни энергии, ни импульсов, но радости жизни нету,

в этом-то все горе. Как было бы хорошо, дорогая моя, пойти с тобой в Британский музей! А моя Надя, как часто она мне рассказывала о Лондоне и как нам хотелось вместе быть тут. Когда я оглядываюсь назад и вижу все, мною пережитое, меня берет страх и удивление — неужели же, в самом деле, я все это мог перенести? Мне даже подчас кажется, что я не человек, а какая-то машина, которая, несмотря на все, продолжает свое дело.

Ольга Иеронимовна Капица (1866-1937)

Конечно, я пишу грустное письмо, но главная причина та, что Надя очень любила Лондон и я все время вспоминаю ее.

Был я вчера в русской торговой делегации, и там все более или менее благополучно, т. е. я получу необходимые мне кредиты и все прочее. <...>

Ну пока. Всего доброго, мои дорогие. Крепко целую вас всех.
Твой сын Петр

Лондон, 2 июня 1921 г.

Дорогая Мама!

Вот уже неделю я в Лондоне и, слава богу, наладил свою жизнь тут. Поселился не в гостинице, где очень шумно, а в маленькой квартирке, которую снимаю с услугами и где могу столноваться...

Я обмундировался и теперь имею приличный вид. Что я имею приличный вид, об этом я сужу по следующему. Когда я подходил к bobby (так называют тут в шутку полицейских) и спрашивал их дорогу, то в моем прежнем костюме они брали меня фамильярно под руку и говорили, куда идти. Теперь они больше не берут меня под руку и обращаются ко мне sir. Тут англичане очень строги с костюмами по-прежнему. Так, пока я ходил и искал себе квартиру в кепке, то все говорили, что у них нету квартир. Надев хороший костюм, я снял себе квартиру в том же доме. где мне накануне сказали, что квартир нету, а оказалось сразу две, из которых я одну и снял.

Вчера был в King's College², видел профессора Ричардсона³, члена Королевского общества. Европейский ученый. Так увлекся, что проболтал с ним 1¹/₂ часа. Умный парень, но я, кажется, хватил через край, вел себя не с должным почтением и пустился нахально в спор. В следующий раз буду посдержаннее. Потом только я заметил, что ассистент этой знаменитости пялил на меня глаза. Но, во всяком случае, профессор Ричардсон был очень любезен, дал мне необходимые сведения, и завтра мы с ним условились опять свидеться. Он выглядит совсем молодым.

Завтра вечером приезжает в Лондон Абрам Федорович [Иоффе]⁴. Я получил от него телеграмму и пойду его встретить...

Семинар А. Ф. Иоффе в Политехническом институте, 1915 год. Сидят (слева направо): Я. И. Френкель, Н. Н. Семёнов, А. П. Ющенко, А. Ф. Иоффе, Я. Р. Шмидт, И. К. Бобр, К. Ф. Неструх. Стоят: П. Л. Капица, П. И. Лукирский, М. В. Миловидова-Кирпичёва, Я. Г. Дорфман

Лондон, 10 июня 1921 г.

Дорогая Мама!

Вот две с лишком недели я в Лондоне. Завтра еду в Оксфорд проведать мистера Френча. Помнишь того священника, которого я встречал в Питере? Воспользуюсь случаем и посмотрю Оксфорд. Говорят, забавный городок.

Что касается меня, то у меня почти не проходящее скверное настроение. Не знаю, чем его объяснить. Должно быть, отсутствием работы. Физическое самочувствие пока что хорошее. Давно не получал от вас писем, это меня очень огорчает.

Абрам Федорович сегодня ровно неделя как в Лондоне. Работа по закупке, вероятно, вся ляжет на меня, а работать с Абрамом Федоровичем очень трудно. Он не дает свободы инициативе, что ни сделаешь, он на все морщится, а в то же время точных директив не дает. Наши закупки в Англии, конечно, должны идти согласованно с закупками, произведенными в Германии. Что он закупил в Берлине, я не знаю, никаких за-

писей он не имеет. Говорит, что это так много, что он не мог привезти?!

Скоро должны приехать Крылов⁵ и Рождественский⁶. Буду им рад. Как-то в особенности к Крылову у меня душа лежит. Это другой стиль...

Завтра идем слушать лекцию Эйнштейна, он читает о теории относительности в King's College. Здесь его очень почитают и называют вторым Ньютоном. Сейчас отправлюсь в город посмотреть картинную галерею...

Да, купил себе фотографический аппарат и много снимаю. Постараюсь послать вам фотографии моего путешествия. Может быть, это вас развлечет...

Лондон, 24 июня 1921 г.

Дорогая моя Мамочка!

Ну, как ваши дела? Я все думаю о вас.

Сегодня был у профессора русского языка, директора Лондонской библиотеки Ч. Хегбери Райта. Он очень мил и хорошо говорит по-русски. Я его просил дать список детских книг и книг по вопросу детского чтения. Конечно, для тебя. Он все это обещал мне сделать. Но он просил меня раздобыть книги об иконах и лубочных картинках. Если это есть или каким-либо образом ты можешь достать, то вышли их мне через Народный комиссариат иностранных дел так же, как ты пересылаешь письма. Если попросить, то они это сделают.

Теперь я очень занят. Много беготни и других хлопот. Списался с моими шотландскими друзьями Милларами⁷, зовут меня погостить в Шотландии на недельку-другую.

Чувствую себя хорошо, только толстею да, кажется (только не говори Кольке⁸), плешивею...

Лондон, 13 июля 1921 г.

Дорогая Мамочка!

...Было много работы и потому не писал. Был у Уэллса на рауте, был также на чае у Райта. Познакомился там с Бернардом Шоу, Содди⁹, лордом Холденом¹⁰ и пр. Можно сказать, здорово! Но не буду останавливаться на этом всем, так как есть более важное, о чем тебе надо писать. Дело в том, что, по всей вероятности, я останусь тут на зиму и буду жить в Кембридже и работать

у проф. Резерфорда¹¹. Он дал свое согласие, мы были у него вчера. Наше представительство тоже согласно оставить меня тут. Не знаю, радоваться мне или нет. Уж очень душа моя болит за вас, мои дорогие. Что вы там будете делать без меня? Но, с другой стороны, [эту] зиму я [бы] работать не мог. А у меня теперь в жизни все, что есть, — это работа да вы все, мои дорогие.

Я вас постараюсь поддержать. Конечно, я сделаю все, что от меня зависит. Но если я не использую этого счастливого стечения обстоятельств, то, конечно, долго придется ждать. А время идет, и много уже потеряно. Боюсь также за себя, что соскучусь очень среди англичан. Поеду в Кембридж через две недели — и за работу. Тороплюсь кончать закупки тут...

Лондон, 15 июля 1921 г.

Дорогая моя Мама!

Вчера получил ваши письма. Всегда бываю рад и взволнован.

В особенности меня волнует твое здоровье. Тебе нужно отдохнуть... Потом меня волнует зима. Как вы будете там без меня?

Я тут собираюсь вам подсобить, и, кажется, кое-что будет возможно предпринять. Посылаю с Абрамом Федоровичем, который уезжает завтра в Берлин, Голландию и Швецию, 12 пар хороших английских шерстяных носков — 6 штук Лёне¹², а 6 штук Николаю Николаевичу. Потом кое-что еще я просил передать вам Абрама Федоровича.

Ты, дорогая, не скучай без меня. Мне, конечно, без тебя тут будет тяжело, но надо же работать. Уйдет молодость в два счета, и ее не вернешь. Я сейчас нахожусь в волнении, как это пойдет у меня работа в Кембридже, как это я столкнусь с Резерфордом с моим английским языком и с моими непочтительными манерами. Еду к нему 21 июля.

Посылаю тебе фотографические карточки, может быть, они тебя позабавят и дадут представление о том, что я тут вижу.

Если вы будете жить на Каменноостровском, то запаситесь дровами как только можно больше, чтобы вам было зимой тепло. В кабинете следует постелить ковры и вообще в других комнатах тоже, так как под ними холодное помещение и с полу может быть холодно. В особенности Лёньчик маленький находится очень близко от пола.

Напиши, какой номер твоих очков.

Насчет детских книг я не забыл. Директор Лондонской библиотеки д-р Райт составил мне список. Я зайду на днях к нему, возьму этот список и пошлю тебе. Ты выберешь подходящие книги, и я тебе их пошлю.

Ну пока, крепко-крепко целую тебя, моя дорогая. Целую Наташу, Лёню и Лёнчика.

Твой сын Петр

P. S. ...Как огород? Не была ли у вас засуха? Тут страшная засуха. Англичане уже 60 лет такой не упомнят...

Лондон, 24 июля 1921 г.

Дорогая моя Мама!

Сегодня день твоих именин, я помню это и посему поздравляю тебя и желаю тебе всего хорошего.

Это время я [был] очень занят, перебрался из Лондона в Кембридж и начал работать в лаборатории. 22 и 23 числа работал усердно. Но сегодня приехал в Лондон, так как в Кембридже скучно и, кроме того, завтра, в понедельник, у меня кое-какие дела по закупкам.

Что касается моей работы в Кембридже, то пока еще мало ясного. Пока что знакомлюсь с радиоактивными измерениями и делаю просто практикум. Что будет дальше, я не знаю. Ничего не задумываю, ничего не загадываю. Поживем, увидим.

Очень меня беспокоят ваши дела, как это вы проведете зиму без меня. Я уж буду стараться что-либо сделать для вас, если возможно...

Кембридж, 29 июля 1921 г.

Дорогая моя Мамочка!

Получил ваши письма, примерно от середины июля, где ты, как и Лёнька, меня упрекаете в том, что я мало пишу. Правда, это время я писал мало, но не реже одного письма в неделю. Писал я мало потому, что был очень занят, и сейчас много работаю, с утра до вечера сижу в лаборатории, прихожу домой в 6 часов вечера, надо писать и считать. Усталый и утомленный, думаю, как бы лечь в постель. Когда налажу дела, буду писать больше...

Дорогая моя, если я тут и остался на зиму, то только для того, чтобы работать. Ты сама знаешь, что, кроме вас и работы, у меня ничего на свете нет. О вас я думаю все время и делаю все, чтобы вам подсобить. Ваши письма меня волнуют, когда я получаю их, то сердце бьется усиленнее.

Все эти упрёки совершенно незаслуженны. Теперь, может быть, удастся вам переправлять кое-что отсюда. Послал тебе очки и лорнет. Пенсне тебе не к лицу и только изуродует нос. Очки я послал самые модные. Говорят, в них очень удобно читать. Послать очки другим не смогу — дорого и пересылка вещь хлопотливая.

Не забывай, дорогая моя, что я тут один среди англичан, целый день ни слова по-русски, не с кем душу отвести, ни поостерить, ни поспорить. Только возможность работать заставляет меня быть тут <...>

Работать тут хорошо, хотя я еще пока не делаю самостоятельной работы, а провожу практикум. Отношение со стороны работающих хорошее, хотя плохое знание языка мне мешает изъяснять свои мысли. Я и по-русски-то плохо выражаю свои мысли.

Все думаю о вас, как-то вы зиму будете без меня. Никогда мы с тобой, дорогая моя, не разлучались на такой долгий срок. Пишите как можно больше и чаще. Ваши письма для меня половина моего существования. Я тут боюсь этого одиночества страшно. Целую всех крепко. Всегда с вами душой.

Кембридж, 6 августа 1921 г.

Дорогая Мама!

Получил от вас вчера письма и был очень рад. Вот уже больше двух недель я в Кембридже работаю в лаборатории. Теперь настает самый рискованный момент — это выбрать тему для работы. Дело нелегкое и довольно-таки серьезное. Когда у меня такие моменты, то я не люблю много говорить, и потому мне трудно написать что-либо определенное о моем положении и о моей работе. Когда добьюсь чего-либо, то напишу тебе <...>

Сейчас вместе с неким Мюллером, работающим тоже в Кавендишской лаборатории, я отправляюсь в Лондон. Надо пови-

дать Алексея Николаевича Крылова и Анну Богдановну Ферингер¹³ перед отъездом. Едем в Лондон на мотоциклетке. Если все будет благополучно, это возьмет 2–2½ часа.

Этот Мюллер — швейцарец из Женевы, ему 32 года. Это первый человек тут в лаборатории, с которым я сошелся довольно хорошо за две недели моего пребывания. Он развитой парень, очень мил, оживлен, почти как француз, и разговорчив, как русский. Работает он по вопросу рентгеновских лучей. У него прекрасная техника и недурная, по-видимому, башка.

Остальные работающие относятся ко мне довольно мило, хотя познакомиться с этими англичанами близко не так-то легко <...>

Кембридж, 12 августа 1921 г.

Дорогая Мама!

Получаю теперь от вас письма довольно аккуратно. Это меня очень радует. Беспокоит меня вопрос, как вы будете, когда Лёня уедет на Север. Вообще, душа моя болит за вас.

Вот я уже три недели работаю в лаборатории в Кембридже. Дела идут помаленьку, но беда вся в том, что через неделю, 20 августа, лаборатория закрывается. Три недели каникулы. Право, не знаю, как провести эти три недели. Хочется работать, а тут, хочешь не хочешь, три недели гуляй. Думаю поехать в Шотландию проведать семью Милларов.

Тут, в Кембридже, я снимаю две комнаты в одной семье, тут же столуюсь. Семья полуинтеллигентная, мещанская, но они очень любезны со мной. В особенности хозяйка, очень разговорчивая, по вечерам заходит ко мне и долго беседует. Разговоры неинтересные, но я на это смотрю как на уроки английского языка.

Вчера первый раз имел разговор на научную тему с проф. Резерфордом. Он был очень любезен, повел к себе в комнату, показывал приборы. В этом человеке безусловно есть что-то обаятельное, хотя порой он и груб.

Так жизнь моя тут течет, как река без водоворотов и без водопадов. До шести работаю, после шести либо читаю, пишу письма, либо еду покататься на мотоциклетке. Это для меня большое удовольствие. Дороги тут идеальные.

Петр Леонидович Капица

Кембридж, 20 августа 1921 г.

Дорогая Мама!

Получил от тебя письмо, содержание и тон которого меня очень огорчили... Ты прекрасно знаешь, что когда я очень сосредоточен, очень занят, когда положение не имеет еще достаточно крепкого фундамента, писать письма мне очень трудно. Я пишу их, конечно, потому, что считаю, что лучше написать плохое письмо, чем не написать никакого. Что касается писем другим и того, что от других вы узнаете обо мне, то это, как я уже объяснил в письме к Наташе, происходит оттого, что я не люблю писать два раза об одном и том же.

С этого письма начну нумеровать мои письма, чтобы вы тоже могли проверить, что я аккуратно пишу два раза в неделю...

Ты, право, не представляешь себе мою психологию. То, что я сейчас делаю, это, конечно, *tour de force*¹⁴ во всех отношениях, и вместо того, чтобы поддержать, пишешь такое письмо. Неужели ты меня так мало знаешь? А я думал, что ты меня знаешь лучше, чем кто-либо другой.

Мама, ты прекрасно знаешь, что жизнь перестала быть для меня радостью. Если я мало говорю о себе, это вовсе не значит, что у меня ничего нету. Ведь рана у меня глубокая, и бог знает, заживет ли она когда-нибудь. Здесь, среди чужих людей, работая непрерывно над любимым делом, авось я почувствую себя лучше, авось вернется ко мне любовь к жизни и радость жизни. Я не говорю, что я несчастен; я никогда, до последней минуты своей жизни не сложу оружия. Если жить, так надо идти вперед непрерывно. Покой, равновесие — это духовная смерть. Тут, в Кембридже, мне приходится начинать сначала. В Политехническом институте я уже стоял на независимом положении, на уровне, во всяком случае, выше среднего. Тут, в Кембридже, меня никто не знает. Абрам Федорович ничего даже не мог сказать Резерфорду обо мне, так как Абрам Федорович не говорит по-английски, а Резерфорд говорит только по-английски. Я был переводчиком в их разговоре.

Вот я месяц в Кембридже — срок немалый. Но все же кое-чего я уже добился, но очень малого, о чем даже писать не стоит. Но мне хочется, и я буду всеми силами стараться войти в научную жизнь лаборатории, только тогда можно работать полным темпом. До сих пор это мне не удалось. Хотя это и естественно — я работаю в тех областях, которыми тут не интересовались.

Все это я пишу только тебе, и это не подлежит оглашению. Итак, не будь строга и требовательна, обожди. Как все выкристаллизуется, я буду писать вам более содержательные письма. Только сейчас, право, трудно.

Сейчас вакация, и это меня очень огорчает. Тут закрывается решительно все — библиотеки, мастерские и пр. Жизнь совершенно останавливается. А мне каждый потерянный день жалко...

Глазго, 26 августа 1921 г.

Дорогая Мама!

Вот я уже в Глазго. Сажу в особняке Милларов. За время войны, видно, они здорово разбогатели и живут очень широко. Парни подросли и стали совершенно мужчинами. Сама миссис Миллар сейчас на даче, туда я поеду завтра. 7 сентября поеду в Эдинбург на съезд Британской ассоциации физиков. Там А. Н. Крылов будет делать доклад о Курской магнитной аномалии.